

УДК 130.2

*А. П. Овчинникова***КУЛЬТУРНЫЙ КРИЗИС И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ**

Самая часто встречающаяся фраза в «одно-классниках» и прочих блогах: «Не о чем писать». Вторая по частоте — «скучно». Вообразите эту цивилизацию: пользуясь фантастическими достижениями науки и техники, они сообщают друг другу о том, что им скучно.

*Александр Минкин.
Яйца Чайки, 2010 г.*

Интеллигенты старшего поколения еще помнят, каким они были преисполнены энтузиазмом, когда телевидение только становилось массовым. Казалось, что теперь культура придет в каждый дом и что мы стоим на пороге новой культурной революции. Еще больший энтузиазм вызывала начавшаяся эра кибернетики (слово это почему-то почти забыто в результате наступления компьютеров, как теперь говорят, в эру высоких технологий). Тогда никому и в голову не приходило «исчислять» неприятности, которые могут из этого следовать. Ну, разве что, оживленные дискуссии вызвал вопрос, не станут ли роботы умнее человека и не поработят ли они людей. А когда появился Интернет, вызывала восторг молодых интеллигентов возможность забраться в любую библиотеку и читать, читать, читать — читать любую книгу, которую невозможно было купить или «достать» иными способами. Думал ли кто-нибудь тогда, что у любого доброго деяния есть отрицательные последствия, а более широко, что если есть Добро, то и Зло есть обязательно: Д → З? Не особенно настораживали даже знаменитые антиутопии.

К тому времени, когда началась эра высоких технологий, трех знаменитых антиутопистов XX в. уже не было в живых. Двое из них — Е. Замятин и Дж. Оруэлл — больше были обеспокоены возможностью использования достижений технического прогресса в интересах тотали-

тарной власти. Замятин предупреждал, что диктаторы могут насильно применить эти достижения для лоботомии: «вырежут» у подданных фантазию и тем самым стремление к свободе (роман «Мы»). Аналогично Оруэлл (в знаменитом «1984») предвидел, что некое Министерство правды с помощью дневной и ночной пропаганды заставит всех граждан — без имен, а под номерами — стройно мыслить (в том смысле, как говорят, что следует «ходить строем»). И только третий знаменитый антиутопист — Олдос Хаксли («О, дивный новый мир») — больших проблем ожидал как раз от того, что считалось положительными достижениями прогресса.

Увы, кажется, более основательными оказались опасения Хаксли. Откровенных тоталитарных режимов на Земле осталось не так уж много, а технический прогресс идет своим чередом и теперь вступает в полосу нано-технологий.

Если Оруэлл переживал относительно того, что будут запрещаться книги, Хаксли предвидел прямо противоположное: не нужно будет запрещать книги, так как никто их не станет читать.

Оруэлл допускал, что людей могут лишать информации, Хаксли же боялся, что поток информации будет настолько велик, что человек не будет в состоянии его переваривать и деградирует до полной пассивности и эгоизма.

Оруэлл предостерегал, что от человека будут сознательно скрывать правду, Хаксли боялся, что свобода слова вступит в противоречие со свободой слышимости, что она просто утонет в море бесполезного информационного шума.

Оруэлл боялся, что сама культура подчинится рабской идеологии. Хаксли же предвидел, что в результате «восстания масс» (термин Х. Ортеги-и-Гассета) станет массовой, а значит примитивной, заполненной заменителями чувств. Согласно Хаксли, все борцы за гражданские права и рационалисты не принимали в расчет, что человек обладает безграничной тягой к развлечениям. У Оруэлла людей держат под контролем, причиняя им боль. У Хаксли людей контролируют, дозируя им доставление удовольствий. В качестве эпиграфа к «Дивному новому миру» О. Хаксли поместил слова Н. А. Бердяева: «Утопии выглядят гораздо более осуществимыми, чем в это верили прежде. И ныне перед нами стоит вопрос, терзающий нас совсем иначе: как избежать их окончательного осуществления?».

И вот сегодня невооруженным глазом виден дефицит доверия к ценностям культуры. Глобализация средств виртуального общения привела, с одной стороны, к демократизации культуры, а с другой, к ее «усреднению», к тому, что создается впечатление, будто ею может овладеть каждый — не прилагая особых усилий, не затрачивая труда. Особенно отчетливо это видно на функционировании (живой прагматике) языка — ведь мы живем в языке постоянно и всегда. Зачем знать грамматику и орфографию, если компьютер укажет ошибки? Зачем

читать и помнить прочитанное, если можно мгновенно найти в электронных библиотеках все, что угодно? Зачем вообще стремиться к вершинам культуры, если общение с партнерами в блогах, чатах, участие в электронных форумах, различных хэппенингах, перформансах, в полит-, арт- и флэш-мобах и т.п. требует «клипового» стиля подачи материала, а значит, такого же мышления? Нужен ли литературный язык для «гламурных» журналов и передач телевидения?

Мы являемся свидетелями языкового взрыва. Перемены в обществе не могут не вызвать перемены в языке. Это явление естественное, возникла новая коммуникация, которая имеет три составляющих: 1) Есть действительность; 2) Есть «текст» — мое знание о ней; 3) Есть дискурс — то, с чем я выхожу в общение, каким способом я общаюсь. Если раньше были известны устный и письменный способы коммуникации, то теперь возник промежуточный, т.е. по форме — письменный, по структуре и содержательным функциям — устный. Язык в Интернете — это не язык традиционной литературы. Возникли явления, которые для письменной речи совершенно не характерны. Это не обычная линейная письменная речь, а мутационная, практически все запреты сняты. Когда-то Лев Щерба говорил, что литературный русский язык для его носителя всегда немножко иностранный. Теперь же произошел качественный сдвиг в этом отношении. Если люди, даже хорошо владеющие литературной речью, попробуют за ужином в семье говорить на сугубо литературном языке, под зорким оком младших поколений они будут вынуждены перейти на промежуточный язык. Риск быть непонятым все более увеличивается.

О чем можно говорить, если даже президент Российской Федерации в Послании Федеральному собранию 2010 года употребляет слово «кошмарить»? Слова «беспредел», «тусовка» и длинный ряд других из уголовно-лагерного жаргона переключаются в официальные документы. Правда, во Франции существует довольно жесткая корреляция между умением грамотно выражать свои мысли и продвижением по служебной лестнице. Жан Бодрийяр назвал это «лингвистическим капиталом». Но это скорее исключение, чем правило. А между тем в обществе, где существуют стандарты литературного языка, есть и стратификация общества: по тому, каким языком человек пользуется, можно определить к какому слою общества он принадлежит. В стабильном обществе такая стратификация важна. В обществе же нестабильном важными оказываются другие характеристики, например, энергичность, мобильность, наличие финансовых возможностей. Получается, что правильная коммуникация — одно из условий перехода к стабильному обществу.

В Восточной Европе переход к информационному обществу осложняется еще и радикальным изменением социального устройства, разрушением привычных культурных институтов, возникновением новых социальных ниш, сменой идеологических ориентиров, размыванием прежних моральных норм, переходом к иному правосознанию и росту маргиналь-

ных форм правового нигилизма, актуализацией идей национализма и разного рода сектантства. Исчезают прежние, какими бы они ни были, образцы культуры, открылся спрос на новые парадигмы, но спрос, увы, превышает предложение. Образование же без парадигм неизбежно вступает в полосу кризиса.

А пока что вы становитесь свидетелями снисходительного отношения полуобразованного варвара к пока еще не вымершим людям высочайшей культуры: о чем с ними говорить, если они не умеют входить в эти самые блоги и чаты, не умеют в мгновение ока отправить электронное сообщение по мобильному телефону? Критики возвещают о появлении новой волны воинственных писателей (для «легализации» их называют постмодернистами, а то и запросто провозвестниками «антикультуры»). Для этих новых писателей ненормативная лексика — норма языка, а классики культуры — *terra incognita*: зачем их знать, если «они жили давно». Необразованность становится легитимированной.

Нечто, напоминающее нынешний кризис, уже наблюдалось сравнительно недавно — в связи с попытками построить социализм большевистского образца. В советской России интеллигенцию вывозили «философскими пароходами» и поездами. Впрочем, справедливости ради надо сказать, что в угоду другой идеологии подобное происходило и в других странах, даже в «цитадели демократии», в США.

А теперь все это происходит на фоне растущих экологических проблем, возможно, уже сигнализирующих о необратимости экстенсивной деятельности человека. «Загрязнение рек, истребление диких животных, уничтожение лесов, смывание плодородных почв в океан, сжигание морей нефти, истощение ископаемых ресурсов, на рождение которых ушла целая геологическая эпоха. Оргия преступного идиотизма. И это они называют Прогрессом», — писал Олдос Хаксли [1]. Для того чтобы общество могло выжить, экономика должна быть устойчивой и долговременно жизнеспособной, увязанной с требованиями сохранения и улучшения среды обитания.

Экономические принципы должны вытекать из задач, стоящих перед обществом. В новом обществе этими принципами были бы разумная достаточность, отсутствие конкуренции, плановое, низкоотходное производство, преимущественное использование воспроизводимых источников энергии, ограниченное накопление денег, собственности и средств производства в частных руках, относительно равномерное распределение продукта, разумная автоматизация и компьютеризация систем производства и услуг, обеспечение трудовой занятости в соответствии с возможностями и интересами человека, минимальный гарантированный доход. Почти все эти идеи и принципы общеизвестны. Однако это возможно лишь в обществе, уважающем высокую культуру, основанную на разумных и нравственных началах.

Какова реакция интеллектуалов на культурные кризисы? Спасая себя лично и лично своих читателей, они наряжаются в спасательный

жилет иронии, доводя до абсурда, доставшуюся им реальность. Так было и в прежние времена — от Сократа до Эразма Роттердамского, от Ф. Ларошфуко до А. Чехова, от Ст. Ежи Леца до М. Жванецкого.

Ирония — это гротеск, доводящий до абсурда жизненную ситуацию (театр абсурда). Зачастую ироник притворяется глупее, чем он есть, ирония — это лукавство, иносказание, слова обретают значения, противоположные их прямому смыслу. А чтобы она не провоцировала на ответные агрессивные действия, ироник охотно высмеивает и себя самого. Маска серьезности отличают иронию от юмора и от сатиры.

Смысл иронии в разные эпохи видоизменялся. Античности была свойственна «сократовская ирония», выражавшая принцип сомнения и одновременно способ обнаружения истины. Сократ притворялся единомышленником оппонента, поддакивал ему и незаметно доводил его точку зрения до абсурда, обнаруживая ограниченность очевидных истин.

В античном театре встречается и трагическая «ирония судьбы», герой уверен в себе и не ведает, что именно его поступки подготавливают собственную гибель. Как говорится, если хочешь рассмешить богов, построй свои планы на несколько лет вперед. Немецкие романтики расширили понимание иронии до мировоззренческого принципа: ирония должна быть направлена на все без остатка — как в сфере реального бытия, так и в сфере духовной жизнедеятельности. Требовалось свободно переходить от одного мнения к другому, подчеркивая относительность всех установленных «правил». Должен господствовать дух буффонады. В такой позиции они видели выражение свободы — высшей ценности.

Спасательный жилет иронии кажется его адептам чуть ли не бронезжилетом и наилучшим проявлением интеллектуального здравомыслия. Предлагаются даже специальные тренинги овладения ироническим отношением — в первую очередь к себе. Например, человек заходит в ванную комнату, подходит к зеркалу и начинает двадцатиминутное упражнение. Сначала он оценивает себя и находит то, над чем можно посмеяться. А дальше начинает длинную речь. На следующем этапе человек начинает осмеивать свои недостатки, свое поведение. Только овладев способностью смеяться над собой, можно переходить на уровень иронии по отношению к другим. Чем человек умнее, тем он более понимает меру своего интеллектуального несовершенства. И если он демонстрирует понимание своего несовершенства, он оказывается в более выигрышном положении.

И что же ирония — она и в самом деле спасет культуру? Предположим, мы в максимально полной мере овладели искусством иронии. Исправим мы тем самым изъяны культуры? Может быть, и в самом деле не стоит переживать относительно происходящего? Не согласиться ли с тем, что невежество узаконено, легитимировано? Ведь и в период средневековья невежество принималось как норма. Карл X подписывался крестиком (правда, при этом собирал в своем дворе интеллектуалов

той поры). Люди понимали, что все происходит помимо воли простого человека. При этом элита оставалась элитой, а массы — массами. Они всегда восставали, но когда волны успокаивались, обнаруживалось тихое самодовольство верхов и эта самая ирония интеллектуальной элиты, которая оставалась способом «выпустить пар», не более того. Спасение культурных ценностей лежит, пожалуй, в иной плоскости.

Вообще говоря, ситуация с очевидным обеднением европейской культуры не столь уникальна для XX столетия, как кажется. Да, конечно, с последствиями большевистской реконструкции социума и с неожиданными следствиями наступления компьютерной эры мы сталкиваемся впервые. Но с разломом цивилизации и с расчисткой поля для цивилизаций будущего — нет. В ситуации гибели Римской империи интеллектуальная элита того времени также была обеспокоена тем, чтобы сохранить для потомков накопленную информацию. В V в. писатель Марциан Капелла, уже не надеясь приостановить процесс варваризации общественного сознания, пытался хотя бы зафиксировать уровень античной образованности. Он систематизировал семь античных дисциплин — грамматику, риторику, диалектику (под ней разумелась логика), арифметику, геометрию, астрономию и музыку. Тем же был обеспокоен и Анаций Боэций (480—524), который поспешил перевести четыре первых книги Начал Евклида. Работа была вовсе не бессмысленной. В значительной мере благодаря этим усилиям наука до сего дня сумела сохранить свои основания.

Вот и теперь, в условиях, когда культуру все чаще отдают на откуп торговцам, когда молодые интеллигенты явно теряют ориентиры, интеллигенция старшего поколения, спасая себя лично и своих читателей, прячется за иронию. Однако если она чувствует ответственность за наследие, полученное от предыдущих поколений, ирония старших поколений отнюдь не спасёт культуру. Спасательный жилет позволяет держаться на плаву, но отнюдь не гарантирует того, что вы доберетесь до берега. Нужны усилия иного рода. И надо спешить, пока еще не поздно. При этом не следует строить иллюзий, работа предстоит нелегкая. Не забудем все же, что Боэций, «магистр всех служб» в королевстве остготов, был казнен...

Л и т е р а т у р а

1. Хаксли О. *Are and Essence* / О. Хаксли. — London: Triad / Panther Books, 1985. — P. 90.

А н н о т а ц и я

Овчинникова А. П. Культурный кризис и интеллектуалы. — Статья.

В статье идет речь о влиянии технического прогресса и глобализации на эволюцию культуры. Обратная сторона демократизации культуры — ее «усреднение» и оскуде-

ние ценностей. Это отчетливо просматривается на примере современного состояния языка. Преодоление кризиса культурных ценностей невозможно без значительных изменений системы образования и повышения статуса научности гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: ценности, коммуникация, ирония, язык.

А н о т а ц і я

Овчинникова А. П. Культурна криза та інтелектуали. — Стаття.

У статті говориться про вплив технічного прогресу й глобалізації на еволюцію культури. Зворотний бік демократизації культури — її «усереднення» і збідніння цінностей. Це чітко проглядається на прикладі стану сучасної мови. Подолання кризи культурних цінностей неможливо без значних змін системи освіти й підвищення статусу науковості гуманітарних дисциплін.

Ключові слова: цінності, комунікація, іронія, мова.

S u m m a r y

Ovchinnikova A. P. Kul'turnyy crisis and intellectual persons. — Article.

In the article talked about influence of technical progress and globalization on the evolution of culture. A reverse aspect of democratization of culture is its come to average and scarcity of values. It is distinctly looked over on the example of the state of modern language. Overcoming of crisis of cultural values is impossible without the considerable changes of the system of education and increase of status of scientific character of humanitarian disciplines.

Keywords: values, communication, irony, language.